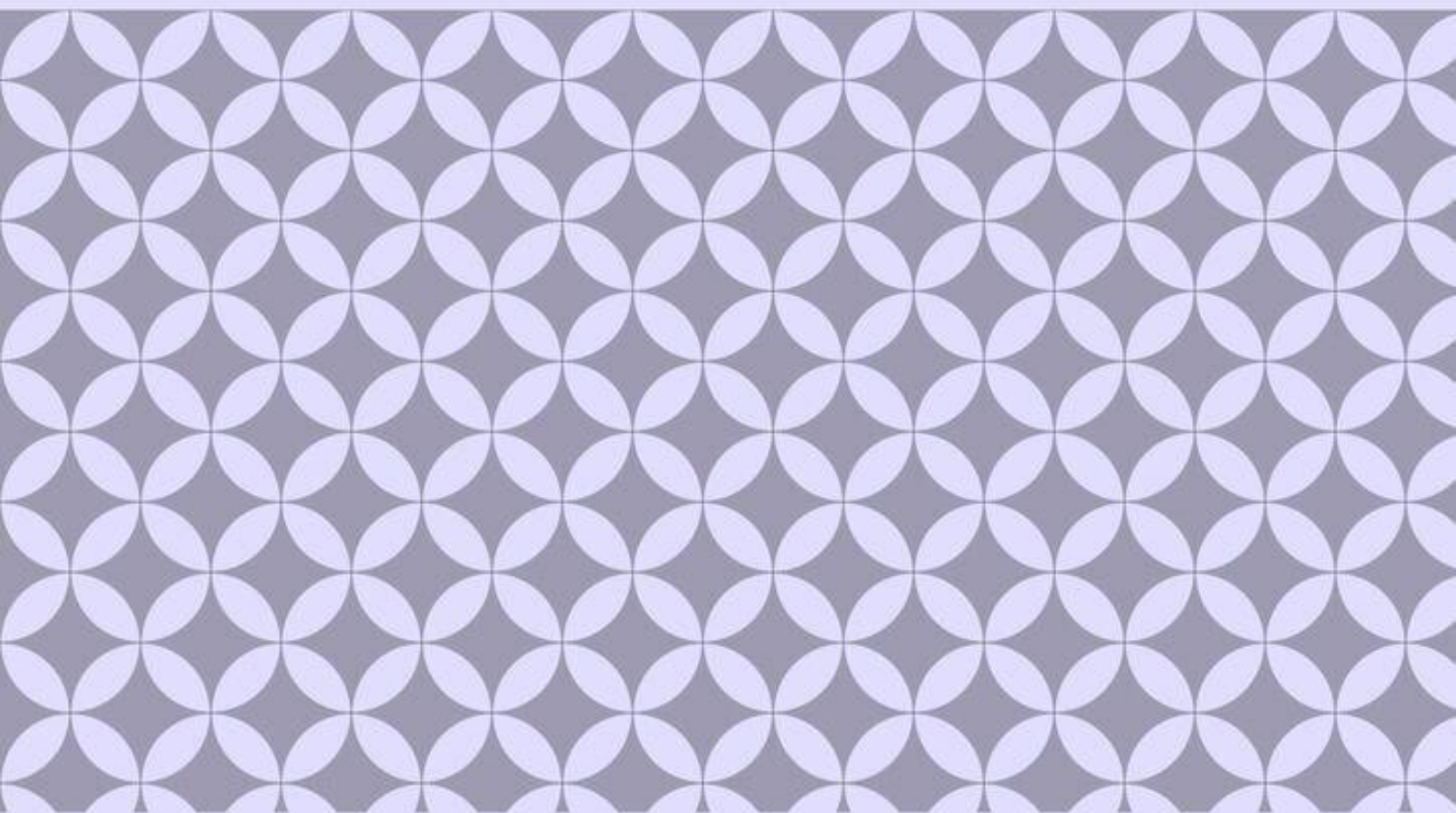

18+

Айрат Шавалиев

АНОМАЛИЯ

Айрат Шавалиев

Аномалия

«Издательские решения»

Шавалиев А.

Аномалия / А. Шавалиев — «Издательские решения»,

Следователь Андреев десять лет назад потерял дочь. На заброшенном перегоне появляется призрачный поезд, забирающий воспоминания взамен на несбывшиеся жизни. Чтобы вернуть девочку, майор должен шагнуть в жуткую аномалию, где время стирает личность, а прошлое становится ловушкой. Сможет ли он пройти сквозь эту тьму?

© Шавалиев А.

© Издательские решения

Содержание

Глава шестая. Протокол	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аномалия

Айрат Шавалиев

© Айрат Шавалиев, 2026

ISBN 978-5-0071-3191-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аномалия. Книга первая.

Глава первая. Билет в один конец.

Ноябрь в этих краях пах не снегом, а прелой осиновой корой, остывающим железом и безнадёжностью.

Сергей Александрович Андреев сидел в своем кабинете на втором этаже районного следственного отдела. Единственная лампа под коническим жестяным абажуром роняла на полированный стол круг мутного желтого света. За окном хлестал мелкий, колючий дождь, превращая огни редких фонарей в расплывчатые нефтяные пятна.

На часах было двадцать три сорок два.

Он не спешил домой. Дома его никто не ждал уже десять лет. С того самого дождливого вторника на пригородной платформе, когда маленькая восьмилетняя Аня отпустила его руку ровно на те две минуты, пока он прикуривал и отвечал на дурацкий звонок из главка. Десять лет пустоты, казенных бумаг и дешевого растворимого кофе, от которого в желудке давно поселилась глухая, ноющая язва.

Телефон на столе взорвался резким, дребезжащим звонком. Андреев даже не вздрогнул. В таком возрасте и на такой должности ночные звонки не пугают. Они лишь подтверждают, что мир вокруг продолжает медленно разваливаться на куски.

Он снял тяжелую черную трубку.

— Андреев.

— Сергей Александрович, извините, что поздно, — голос дежурного лейтенанта Гусева звучал не просто взволнованно, в нем сквозил липкий, почти суеверный холодок. — У нас чепэ на сто тридцать седьмом километре. В Хмурой Пади, на старой тупиковой ветке.

— Что там? Опять бродяги кабель срезали? — устало спросил Андреев, потирая переносицу.

— Хуже, товарищ майор. Местный путевой обходчик наткнулся на... человека. Живой, но не реагирует ни на что. Сидит прямо на насыпи. И... тут такое дело. Эксперт по предварительным признакам говорит, что это Ковалев.

Андреев замер. Рука с телефонной трубкой окаменела.

— Какой Ковалев? Виктор Петрович? Бывший главврач городской больницы?

— Он самый.

— Гусев, ты бредишь или пьян? — голос Андреева стал жестким и тихим. — Дело Ковалева я лично закрыл четыре года назад. Он бесследно пропал в тайге зимой четырнадцатого года. Родственники опознали вещи, суд признал его умершим.

— Я знаю, Сергей Александрович, — сдавленно ответил лейтенант. — Но вы лучше сами приезжайте. У него с собой вещи. И... на нем пальто. Сухое. Совершенно сухое, понимаете? А на улице ливень идет с пяти вечера.

Служебная буханка ползла по размытой колее, черпая мостами жирную черную грязь. Фары выхватывали из темноты искривленные стволы сосен и клубящийся туман. Здесь, в Хму-

рой Пади, на границе тайги и заброшенной железнодорожной ветки, туман всегда был странным — плотным, неподвижным, словно застывшее серое желе.

Машина остановилась у покосившегося шлагбаума. Дальше рельсы ржавели и уходили в глушь, упираясь в непроходимые топи. Регулярного движения здесь не было с конца восьмидесятых годов.

У обочины мигала синяя люстра милицейского бобика. Рядом переминались с ноги на ногу двое оперативников и молодой судмедэксперт Гриша в мокром дождевике.

Андреев вышел из машины, поднял воротник плаща и подошел к насыпи.

— Где он?

Гриша молча указал лучом мощного фонаря в сторону путей.

На откосе насыпи, прислонившись спиной к замшелому километровому столбу с цифрой сто тридцать семь, сидел мужчина. На вид ему было около пятидесяти. Одет он был в безупречно чистое, отутюженное драповое пальто старого фасона и начищенные кожаные ботинки, на которых не было ни единой крупинцы придорожной грязи. Ни капли дождя не упало на его плечи: вода с небес словно огибала его по невидимому куполу.

Глаза мужчины были широко открыты. Они смотрели прямо перед собой, в густую непроглядную тьму тайги. В них не было безумия — лишь абсолютная, пугающая пустота, такая бывает в окнах давно заброшенных домов.

Андреев опустил перед ним на корточки.

— Виктор Петрович? Вы меня слышите?

Мужчина не моргнул. Дыхание его было настолько редким и неслышным, что на холодном воздухе почти не образовывался пар. От него пахло странно: не тайгой, не алкоголем и не сыростью. Запах напоминал застоявшийся воздух старых библиотек, сухую полынь и слабый, едва уловимый аромат горячего озона, словно перед мощнейшей грозой.

— Что в карманах? — спросил Андреев, не оборачиваясь.

Гриша протянул прозрачный пластиковый пакет для вещественных доказательств.

— Вот. Документов нет. Но было это.

Андреев взял пакет и поднес к свету фонаря. Внутри лежали три предмета.

Первый — тяжелые серебряные карманные часы. Их секундная стрелка бешено вращалась против часовой стрелки, издавая тихое, сухое стрекотание.

Второй — фотография. Черно-белый снимок Ковалева, обнимающего женщину и двоих детей-подростков на фоне какого-то незнакомого южного дома с верандой. Но Андреев наизусть помнил архивное дело: у Ковалева никогда не было жены и детей, он всю жизнь прожил бобылем в однокомнатной хрущевке.

И третий предмет — прямоугольный картонный корешок.

Железнодорожный билет. Плотный, жесткий, словно отпечатанный на старинном типографском станке.

Андреев вчитался в выдавленные фиолетовые буквы:

«Поезд номер ноль ноль. Станция отправления: Хмурая Падь, сто тридцать седьмой тупиковый километр. Станция назначения: Безвестье, ветка несбывшихся жизней. Место: ноль. Пассажир: Ковалев Виктор Петрович. Цена: одно невозвратное воспоминание».

— Что за бред... — пробормотал Андреев.

Вдруг тишину разрезал странный звук. Это не был раскат грома.

Где-то далеко в глубине непроходимого мертвого леса, куда рельсы обрывались в болото, протяжно, глухо и невыразимо тоскливо запел тяжелый паровозный гудок. Земля под ногами едва заметно дрогнула, передавая по ржавым рельсам забытую металлическую вибрацию.

В этот же момент сидящий перед Андреевым неподвижный человек дернулся.

Его голова с сухим хрустом повернулась к следователю. Остекленевшие глаза сфокусировались на лице Андреева. Бескровные, потрескавшиеся губы Ковалева шевельнулись, и он прошептал хриплым, шелестящим голосом:

— Сергей Александрович... Она все еще ждет тебя на платформе. Но поезд не пойдет назад, пока стрелочник не получит плату.

Рука Ковалева поднялась и цепко, с нечеловеческой силой схватила Андреева за запястье. Пальцы были ледяными, как мерзлая сталь.

И в ту же секунду карманный компас во внутреннем кармане плаща Андреева — старый дедовский компас, молчавший двадцать лет — вдруг судорожно задрожал и запел тихим, тонким, детским голосом его пропавшей дочери.....

Глава вторая. Мёртвая ткань

Пальцы Ковалева разжались так же внезапно, как и сомкнулись. Рука мертвым грузом упала на мокрый гравий насыпи.

Звук внутри кармана оборвался на полуноте, оставив после себя гулкую, звенящую тишину. Андреев стоял неподвижно, чувствуя, как через шерсть плаща в грудь упирается холодная латунная кругляшка дедовского компаса. Металл словно остыл сильнее, чем окружающий ночной воздух.

— Товарищ майор? — Гриша сделал шаг вперед, луч его фонаря нервно дрогнул на лице Ковалева. — Вы в порядке?

— Вызывайте скорую. Спецбригаду, с носилками, — Андреев не узнал собственного голоса: связки пересохли, слова вышли глухими и шершавыми, как наждак. — В отделение реанимации. И чтобы никаких лишних ушей. Всем присутствующим — расписку о неразглашении служебной тайны. Прямо здесь, на капоте.

Гриша кивнул, торопливо доставая рацию.

Андреев отошел на пару шагов в сторону темнеющего за ненастьем леса. Ноги вязли в жирной грязи. Паровозный гудок больше не повторялся, но у него возникло мерзкое, физически ощутимое чувство: пространство вокруг заброшенного перегона не просто опустело, оно стало плотнее. Воздух не шевелился, хотя верхушки столетних сосен вдалеке раскачивались под ветром абсолютно беззвучно. Мир словно разделился на кадры, между которыми выпали секунды.

В подвальном морге районной больницы пахло формалином, хлоркой и мокрыми тряпками. Люминесцентные лампы под потолком монотонно гудели, периодически моргая тусклым фиолетовым мерцанием.

Ковалева привезли в терапевтическое отделение, но через два часа перевели в изолированный бокс рядом с судебной лабораторией. Причина была простой: обычная аппаратура отказывалась с ним работать.

Гриша стянул резиновые перчатки, бросил их в эмалированный лоток и потер красные от недосыпа глаза.

— Сергей Александрович, я не знаю, как это писать в официальном акте.

Андреев стоял у металлического стола, на котором лежал Ковалев. Бывший главврач не двигался. Веки были плотно сомкнуты, кожа приобрела пепельный, почти гипсовый оттенок. Ни один мускул на лице не вздрагивал.

— Пиши то, что зафиксировали приборы, — ответил следователь.

— В том-то и дело, что приборы ничего не фиксируют, — судмедэксперт подошел к ширме и включил монитор. — Пульс — три удара в минуту. Не тридцать, а именно три. Температура тела — плюс двадцать один градус. При такой температуре кровь внутри вен превращается в студень, наступает необратимый паралич мозга. Но энцефалограмма выдает активность.

Причем не хаотичную, как в коме, а сверхвысокую, будто он сейчас решает в уме сложнейшие математические уравнения или бежит стометровку.

Гриша достал из штатива тонкую пробирку.

— Я взял пункцию. Посмотрите.

Жидкость внутри стекла была неестественно темной, почти чернильной, и густой, как смола.

— Она не сворачивается, — тихо произнес Гриша. — И в ней нет лейкоцитов. Ни одного. Словно его иммунная система за ненадобностью отключилась много лет назад. Человек в таком состоянии должен был умереть еще на прошлой неделе. А он дышит. Один вдох раз в полторы минуты.

Андреев подошел ближе. На запястье Ковалева, там, где обычно прощупывают пульс, виднелась тонкая темная линия, похожая на застарелый шрам от ожога. Она не была случайной царапиной. Рисунок отчетливо повторял контур стрелочного перевода железной дороги — одна прямая линия и отходящий от нее резкий боковой ус.

— Пальто осматривали? — спросил Андреев.

— Осмотрели, — кивнул эксперт. — Ткань натуральная, советский драп фабрики имени Петра Алексеева. Такие перестали выпускать в девяносто первом году. Но на нем ни следа износа, ворс как с витрины. А на подкладке... Гриша замялся.

— Говори.

— На внутреннем кармане чернильный штамп библиотеки станции. **Безвѣстье** Инвентарный номер ноль семьдесят два. Только такой станции никогда не было в реестрах Министерства путей сообщения. Я уже поднял все карты области, начиная с царских времен.

Андреев молча вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги — копию архивного дела четырнадцатого года.

— Он ушел из дома в метель, — произнес майор, глядя на неподвижное лицо врача. — Оставил включенным свет на кухне, чайник на плите и кошелек на тумбочке. Соседи говорили, что за неделю до исчезновения он перестал спать и все время слушал старый радиоприемник на пустых частотах.

— А что на фотографии, которую мы нашли? — спросил Гриша. — Семья?

— У него не было никого. Мать умерла в девяносто пятом, братьев и сестер нет. Но дом на снимке... Я пробил геолокацию деревянных наличников через областной архив. Такой архитектурный стиль резьбы был только в одном поселке на юге области. В тридцать шестом году этот поселок полностью сгорел при строительстве железнодорожной насыпи. Людей расселили, место сровняли с землей.

Гриша нервно сглотнул.

— То есть он был там, чего физически не существует уже почти сто лет?

Андреев не ответил. Он подошел вплотную к стеклянной перегородке бокса. В отражении витрины он вдруг заметил странную деталь: тень от лежащего на столе тела Ковалева падала не назад, от ламп потолка, а вперед — прямо на Андреева, словно единственный источник света находился глубоко внутри самого неподвижного человека.

И в этой тени, на белом кафеле пола, отчетливо просматривался силуэт детской руки, тянувшейся к его ногам.

Следователь резко моргнул. Силуэт исчез. Осталась лишь грязная плитка и серый свет больничного подвала.

Из угла бокса донеслось сухое, размеренное тиканье. Серебряные часы Ковалева, лежавшие на столике для улик, продолжали свой бешеный, неестественный ход назад.

Глава третья. Дом без отражений...

Утро началось без рассвета. Небо над городом просто сменило цвет с глухого черного на мутно-свинцовый.

Ключ от квартиры Ковалева в старой четырехэтажке на улице Железнодорожников повернулся в замке с сухим, натужным визгом. Дверь не открывали четыре года — с тех самых пор, как Андреев лично опечатал ее бумажной полосой с синей казенной печатью. Бумага рассохлась и треснула, осыпавшись на пыльный линолеум мелкими серыми чешуйками.

В квартире стоял тяжелый, застоявшийся дух нежилого дома: пахло сухой побелкой, ветхими книжными страницами и старой шерстью.

Андреев перешагнул порог, Гриша с чемоданом криминалиста вошел следом, стараясь не скрипеть половицами.

— Не трогай выключатели, — предупредил майор. — Проводку здесь наверняка отключили за неуплату еще три года назад.

Они зажгли аккумуляторные фонари. Лучи света разрезали полумрак узкого коридора и тут же наткнулись на нечто странное.

На стене прихожей висело большое ростовое зеркало в тяжелой дубовой раме. Но стекла не было видно. Вся поверхность была наглухо, в несколько плотных слоев замазана густой черной битумной краской. Потечи застыли неровными уродливыми каплями, напоминающими окаменевшие черные слезы.

Гриша подошел ближе и тронул край рамы пальцем в резиновой перчатке.

— Зачем человеку красить собственное зеркало?

— Не только это, — тихо отозвался Андреев, заглядывая в ванную.

Маленькое зеркальце над раковиной тоже было залито черным. В спальне трюмо оказалось не просто покрашено — стекло раскололи десятком точных ударов молотка, а осколки аккуратно сложили в эмалированный таз и залили парафином от свечей.

Ковалев словно целенаправленно уничтожал в своем доме любую возможность увидеть собственное отражение.

Они прошли в гостиную. Здесь время застыло в дне его исчезновения. На круглом столе у окна стояла фарфоровая чашка с окаменевшим черным осадком на донце. Рядом лежала раскрытая книга — старый железнодорожный справочник путей сообщения за сорок восьмой год. Большинство страниц было исчеркано химическим карандашом: цифры, даты, повторяющиеся знаки вопроса.

Андреев подошел к письменному столу. В центре столешницы стоял массивный ламповый радиоприемник «Рекорд». Его стрелка настройки замерла на пустом участке шкалы, где не вещала ни одна официальная радиостанция.

Майор провел пальцем по стеклу шкалы. Пыли не было.

— Гриша, посвети сюда.

Под радиоприемником лежал лист плотной чертежной бумаги. Это была нарисованная от руки карта.

Кривые линии тушью изображали железнодорожную сеть области, но от станции Хмурая Падь отходила ветка, которой не существовало ни на одной топографической схеме. Она уходила далеко на север, пересекала непроходимые гиблые болота и упиралась в круглую черную точку с надписью: «Станция Безв+естье. Платформа неслучившихся встреч».

По краям листа мелким, убористым почерком врача были записаны заметки:

«Они приходят, когда ты перестаешь верить в завтрашний день».

«Смотритель не берет золото. Ему нужна твоя вина. Чем тяжелее груз, тем дальше идет поезд».

«Я видел их в зеркале на третий день бессонницы. Моя тень перестала повторять мои движения. Она повернулась ко мне спиной и ушла в коридор».

Гриша сдавленно выдохнул за спиной Андреева.

— Сергей Александрович... Посмотрите на стену.

Андреев поднял луч фонаря.

На противоположной стене, прямо на выцветших обоях с блеклым цветочным узором, висели десятки фотографий. Все они были любительскими, черно-белыми, приколотыми к штукатурке канцелярскими кнопками.

На каждой снимке был снят перегон в Хмурой Пади. Одно и то же место — километровой столб со стрелочным переводом. Но снимки были сделаны в разное время года и, судя по всему, в разные десятилетия.

На одном фото сквозь туман проступал силуэт женщины в старомодном длинном пальто с чемоданом в руке.

На другом снимке прямо посреди ржавых путей стоял подросток в школьной форме советского образца.

А на самой нижней фотографии, висевшей почти у плинтуса, Андреев увидел пригородный перрон под проливным дождем. Маленькая девочка в красном вязаном берете стояла спиной к объективу и тянула руку к невидимому пассажирскому вагону.

У Андреева перехватило дыхание. Земля словно ушла из-под ног.

Это был берет его дочери. Тот самый, который связала ее мать за неделю до той проклятой поездки десять лет назад.

— Этого не может быть, — прошептал майор, шагнув вперед. Пальцы судорожно потянулись к кнопке, чтобы сорвать фото. — Откуда у Ковалева этот снимок?

В этот момент в глубине пустой темной квартиры щелкнуло реле.

Старый ламповый радиоприемник на столе, не подключенный к розетке, вдруг глухо загудел. Зеленый индикаторный глазок на его панели вспыхнул ровным изумрудным светом.

Из динамика сквозь густой треск статических помех пробился тихий, свистящий шепот. Это был не голос взрослого человека.

Сквозь радиоволны зазвучала детская песенка, которую маленькая Аня напевала перед сном:

«Поезд едет, рельсы спят... Папа ищет свой отряд... Кто остался на путях — превратится в белый прах...»

Луч фонаря в руке Гриши задрожал и упал на пол.

На окрашенном черной краской зеркале в прихожей раздался сухой треск. Плотная битумная корка лопнула ровно посередине. И сквозь глубокую трещину из темной глубины стекла на Андреева медленно посмотрели два неподвижных, фосфоресцирующих глаза....

Глава четвертая. Шёпот на частоте ноль-ноль.

Треск битума в прихожей прозвучал как выстрел в закрытой комнате.

Гриша отшатнулся к дверному косяку, сбив локтем связку пустых вешалок. Железные крючья с грохотом ударились о паркет.

Андреев мгновенно выхватил табельный пистолет. Рука действовала быстрее мысли — сказывались двадцать лет милицейского стажа. Палец лег на спусковой крючок, тяжелый металл привычно остудил ладонь. Майор шагнул в коридор, направив ствол и узкий луч фонаря прямо в трещину на черном зеркале.

Свет полоснул по разбитой глади.

Там ничего не было. Только мутная темнота под сколотой коркой старой краски и мутное, запыленное стекло амальгамы, в котором не отражалось ровным счетом ничего — даже фонарный луч словно вязнул в этой черноте, не давая отблеска.

Радиоприемник на столе сухо щелкнул. Зеленый изумрудный глазок индикатора плавно угас. Шепот оборвался. В квартире снова повисла плотная, давящая тишина нежилого дома.

— Товарищ майор... — голос Гриши сорвался на сиплый шепот. Эксперт стоял, прижавшись спиной к стене, и часто, прерывисто дышал. — Вы... вы тоже это видели?

Андреев не опустил пистолет. Он медленно подошел к зеркалу вплотную. По черной поверхности побежала паутина свежих белых сколов, но сама рама оставалась неподвижной.

— Собирай все в коробки, — не оборачиваясь, приказал Андреев. Голос его звучал сухо, почти безжизненно. — Фотографии со стены. Карту. Записные книжки. Радиоприемник упакуй отдельно. Запечатай в плотные мешки для вещдоков.

— А зеркало?

— Зеркало не трогать. Оставим здесь.

Через сорок минут служебный УАЗ уже выезжал со двора улицы Железнодорожников. В багажнике глухо перестукивали картонные коробки с вещами Ковалева.

Дождь за окном прекратился, но легче не стало: город накрыло плотным, тяжелым туманом, пахнущим мокрым углем и болотной сыростью. Улицы казались вымершими. Редкие прохожие в темных бесформенных куртках двигались вдоль заборов медленно, словно тени на старой киноплёнке.

Они вернулись в следственный отдел.

В кабинете Андреева Гриша расставил на свободном столе аппаратуру передвижной криминалистической лаборатории: осциллограф, стационарный магнитофон с широкой магнитной лентой и портативный радиочастотный сканер.

Сам ламповый радиоприемник Ковалева стоял в центре стола. Его задняя стенка была снята.

Гриша с лупой и тестером исследовал внутренности аппарата.

— Сергей Александрович, здесь нет никаких дополнительных плат. Ни скрытых жучков, ни аккумуляторов. Это обычный заводской приемник выпуска пятьдесят шестого года. Лампы старые, часть конденсаторов давно высохла. Он физически не мог включиться без сетевого шнура. Физически.

— Но он включился, — Андреев сидел за своим столом, не снимая плаща. Перед ним лежала сорванная со стены фотография. Девочка в красном берете на мокром перроне.

Он помнил этот день до мельчайшей секунды. Сентябрь две тысячи шестнадцатого. Станция «Пригородная». Ане тогда было восемь. Она стояла рядом, держала его за палец теплой варежкой. Потом зазвонил служебный телефон — в дежурке сообщили о побеге подследственного. Андреев отпустил ее руку всего на две минуты, чтобы отойти под козырек кассы и слышать слова дежурного сквозь шум проходящего товарняка.

Когда он обернулся — платформу уже заливал косой ливень. И там не было никого. Ни крика, ни следов борьбы. Только лужи на асфальте.

Десять лет поисков. Сотни опрошенных свидетелей, прочесанные лесополосы, проверки всех судимых в округе на триста километров. Пустота.

И вот теперь снимок с того самого перрона оказывается в квартире главврача, пропавшего в тайге четыре года назад.

— Гриша, — Андреев поднял глаза на эксперта. — В записях Ковалева упоминается радиочастота. Пустой диапазон между средневолновыми станциями. Подключи сканер к магнитофону. Попробуем снять эфир в направлении Хмурой Пади.

Эксперт заколебался:

— До перегона больше сорока километров по прямой. Городские помехи, ЛЭП, заводские подстанции... мы ничего не поймем на обычной антенне.

— Подключай, — повторил майор.

Гриша вздохнул, размотал провод внешней антенны и закрепил зажим на железном карнизе за форточкой. Затем щелкнул тумблером питания.

Динамик криминалистического сканера зашипел ровным белым шумом. Стрелка частотомера медленно поползла по шкале: длинные волны, средние, технические каналы речников и путейцев.

В кабинете слышался только шум помех и мерный шорох магнитной ленты, наматывающейся на бобину.

Прошло десять минут. Затем пятнадцать.

— Ничего нет, товарищ майор, — тихо произнес Гриша, глядя на ровную зеленую линию осциллографа. — Только статика. Атмосферные разряды.

— Сдвинь на крайнюю левую метку, — сказал Андреев. — Туда, где шкала заканчивается перед нулевым значением.

Гриша осторожно повернул верньер настройки.

Шум эфира внезапно изменился. Он не стал тише — он стал глубже, словно микрофон опустили в глубокий колодец, наполненный водой.

Зеленая линия на экране осциллографа дрогнула и пошла резкими, зубчатыми пиками.

Из динамика послышался металлический щелчок станционного реле. А затем сквозь треск расстояния и времени пробился спокойный, механический женский голос.

Голос звучал так, словно диктор читал стандартную служебную сводку по громкой связи вокзала:

«Внимание дежурному по станции *Безвестье* Состав номер ноль-ноль сформирован на запасных путях Хмурой Пади. На стрелочном переводе сто тридцать семь зафиксирован постоянный. Входной светофор закрыт до внесения пошлыны. Повторяю: входной светофор закрыт. Пассажир Андреев ожидается у третьего тупика».

Голос умолк. Динамик выдал протяжный, жалобный свист затухающей несущей частоты и снова утонул в монотонном белом шуме.

Бобина магнитофона продолжала бесстрастно крутиться, фиксируя звук на ленту.

Гриша сидел неподвижно, боясь пошевелиться. Его лицо стало белым, как мел.

— Сергей Александрович... — едва слышно выговорил он. — Они назвали вашу фамилию.

Андреев медленно поднялся из-за стола. Он подошел к окну и посмотрел на улицу.

Внизу, в сгущающихся сумерках у ворот отдела, прямо под неработающим фонарем стоял высокий человек в длинной темной шинели путевого обходчика. Его лица не было видно под низко надвинутой фуражкой.

В правой руке незнакомец держал старинный керосиновый сигнальный фонарь с тусклым, немигающим фиолетовым стеклом. Человек стоял абсолютно неподвижно и смотрел прямо в окно второго этажа — на Андреева.

Глава пятая. Секта на тупике.

Андреев сорвался с места прежде, чем Гриша успел что-то сказать.

Тяжелые казенные ступени гулко отдавали под подошвами сапог. Майор перемахнул через три пролета, выскочил в дежурную часть и с силой распахнул тяжелую дубовую дверь на улицу.

Холодный сырой воздух сразу ударил в лицо.

У ворот отдела никого не было. Под ржавым фонарным столбом лежала лишь грязная лужа, в которой плавали бурые осиновые листья. Ни следов на гравии, ни шагов во тьме. Только слабый, едва уловимый запах сухого железа, словно здесь только что волокли тяжелый металлический лом.

Андреев постоял под морозящим дождем, глубоко дыша, затем медленно вернулся на второй этаж.

В кабинете Гриша уже выключил магнитофон и аккуратно вынул катушку с записью, убирая ее в жесткий картонный футляр. Руки судмедэксперта заметно подрагивали.

— Кто это был, Сергей Александрович?

— Не знаю, — сухо ответил Андреев, садясь за стол. — Но мы видимо полезли туда, где нас уже ждут. Открой оперативную базу по религиозным объединениям и неформальным группам района за последние десять лет.

Гриша включил рабочий компьютер. экран тихо загудел, загружая служебную картотеку.

— Что именно ищем?

— Любые упоминания стрелочников, путейцев, станций-призраков всякой подобной мурой. Да и посмотри старые заявления местных жителей из деревень вокруг Хмурой Пади. Люди в глухих поселках часто видят то, о чем боятся писать в официальных протоколах.

Клавиши застучали в тишине кабинета. Прошло около двадцати минут. Гриша вчитывался в архивные сводки, хмуря брови.

— Есть одна зацепка, товарищ майор. Восемнадцатый год. Дело о незаконном занятии территории в районе заброшенного торфпредприятия. Это в семи километрах к западу от сто тридцать седьмого километра, у самых болот.

— Кто там был?

— Некая община. Называли себя «Свидетели Последней Стрелы» или «Братство Стрелы». — Кто их там разберет сектантов продолжил Гриша. Человек пятнадцать-двадцать. Жили в полуразрушенных бараках бывших торфоразработчиков. Руководитель — он вгляделся в экран монитора — некто Павел Седов, бывший машинист тепловоза, списанный по инвалидности после тяжелой травмы головы. В девяносто девятом году он попал в аварию на перегоне: его маневровый состав врезался в тупиковую призму.

Андреев придвинул к себе настольную лампу:

— Чем они занимались?

— В протоколах участкового написано: собирали по окрестностям старые железнодорожные костыли, рельсовые накладки, сигнальные флажки. Вели затворнический образ жизни. Но самое интересное — показания их бывшего послушника, некоего Терехова. Его задержали в городе за бродяжничество и попытку кражи в аптеке.

Гриша развернул монитор к майору.

В протоколе допроса шестилетней давности значились показания тридцатилетнего мужчины. Слова свидетеля звучали путано, почти бессвязно, но сквозь протокольный язык милицейского дознавателя проступала очень тревожная суть:

«...Они не молятся Богу. Они ждут Ночной Состав. Седов говорит, что железная дорога — это кровеносная система между живым миром и местом, куда уходят неслучившиеся события. Чтобы сесть на поезд, нужно очиститься от лишнего. Лишнее — это память.

Каждую пятницу они проводили обряд: садились в круг, зажигали керосиновую лампу и по очереди сжигали в жестяном тазу свои личные вещи. Фотографии, детские письма, свидетельства о браке. Седов заставлял их повторять: «Я забываю, кем я был, чтобы стать тем, кем не успел».

Один парень из наших, Колька, отдал им старые карманные часы своего отца. Через три дня он перестал разговаривать. Просто ходил по барaku, как бревно, и смотрел в одну точку. А в ноябрьское полнолуние Седов увел его на сто тридцать седьмой километр. Назад вернулся один Седов. На вопросы отвечал уклончиво мол: «Колька теперь дома, на станции *Безвѣстье*. Там тепло и нет вчерашнего дня»...»

Андреев оторвался от экрана.

— Где сейчас этот Терехов?

— В областном психоневрологическом интернате номер два, — ответил Гриша, проверив медицинский регистр. — Третье отделение закрытого типа. Диагноз — прогрессирующая амнезия на фоне тяжелого реактивного психоза. Он почти не говорит, но признан стабильным.

Майор поднялся и застегнул плащ.

— Бери служебное удостоверение и бланки повторного допроса. Едем в интернат.

— Сейчас? Уже почти полночь, Сергей Александрович. Главврач нас на порог не пустит без постановления прокурора.

— Пустит, — Андреев проверил магазин пистолета и загнал его обратно в рукоять с сухим щелчком. — Завтра утром руководство узнает про случай с Ковалевым, и дело у нас заберут в область. У нас есть только эта ночь.

Машина снова выехала на пустую темную трассу. До областного интерната было около сорока километров по разбитой дороге, рассекающей ночную тайгу.

Фары выхватывали из темноты мокрые сосновые ветви, низко нависшие над дорогой. В салоне УАЗА пахло бензином и прелым дерматином от обшивок сидений.

Вдруг на приборной панели задрожала стрелка спидометра. Она начала плавно падать до нуля, хотя машина продолжала нестись вперед со скоростью не меньше семидесяти километров в час.

А затем во внутреннем кармане плаща Андреева снова шевельнулся холодный дедовский компас.

Сквозь плотную ткань слышался не детский голос, а отчетливый, размеренный металлический стук колес на стыках рельсов: тук-тук... тук-тук... словно невидимый тяжелый эшелон шел параллельным курсом прямо сквозь глухую ночную чащу.....

Глава шестая. Протокол

Свет фар, уже выхватил из темноты чугунные ворота областного психоневрологического интерната номер, два.

Здание бывшего дореволюционного земского приюта стояло в глубине векового ельника. Желтоватый кирпич стен за десятилетия покрылся плесенью, а узкие окна первого этажа скалились частыми толстыми решетками.

Стук невидимых колес внутри компаса затих ровно в тот момент, когда машина переехала границу больничного парка. Стрелка спидометра на щитке с сухим щелчком подпрыгнула и вернулась на отметку ноль.

В приемном покое пахло, вареной капустой и хлорной известью.

Дежурный врач — одутловатый, невыспавшийся мужчина в мятом халате — долго и подозрительно изучал удостоверение майора, шурясь на гербовую печать.

— Андреев? По линии розыска? — врач покачал головой. — Ночью? Послушайте, товарищ майор, пациент Терехов в третьем наблюдательном боксе. Он глубокий инвалид. Два года ни слова не произносит. У него распад личности, кататонический ступор. Вы с ним даже протокол опознания не составите. Только зря время потеряете.

— Я сам решу, что я составлю, доктор, — голос Андреева не оставлял места для споров. — Открывайте бокс.

Они поднялись на третий этаж. Длинный коридор тонул в полумраке, освещаемый лишь редкими дежурными лампами. За массивными дверями с круглыми смотровыми глазками стояла мертвая, противоестественная тишина — словно полсотни человек за стенами, затаив дыхание прислушивались к шагам в коридоре.

Санитар провернул тяжелый ключ в скважине третьей палаты.

Комната была узкой, как пенал. Белые оштукатуренные стены, железная кровать, наглухо прикрученная к бетонному полу, и маленькое окно под самым потолком, затянутое мелкой стальной сеткой.

Николай Терехов сидел на краю койки в серой больничной пижаме. На вид ему было около тридцати пяти, но волосы на висках были абсолютно белыми, как мел.

Его руки лежали на коленях ладонями вверх. Пальцы были неестественно прямыми, а ногти на правой руке оказались сточены под корень, до сухой запекшейся корки.

Гриша поставил дипломат с бланками на железную тумбочку и достал диктофон.

Андреев придвинул деревянный табурет и сел напротив пациента.

— Николай Сергеевич? Вы меня слышите?

Терехов не повернул головы. Его глаза, блекло-голубые, водянистые, смотрели в дальний угол палаты. Но Андреев сразу заметил то, от чего по спине пробежал знакомый озноб: зрачки больного были неподвижны, а веки не моргали. Точно так же, как у Ковалева на насыпи.

— Я следователь Андреев. Мы расследуем деятельность общины в урочище Хмурая Падь. Вы знали Павла Седова. Вы помните его?

Как только произнесли фамилию «Седов» в палате словно упала температура. Воздух стал колючим и морозным. Пальцы Терехова на коленях медленно, с легким сухим шорохом сжались.

— Поезд не любит лишних свидетелей, — прошептал пациент. Голос его звучал странно: это был не монотонный бред сумасшедшего, а плоский, пустой звук, словно слова шли через медную трубу граммофона.

Гриша торопливо щелкнул кнопкой записи на диктофоне.

Андреев подался вперед:

— О каком поезде говорил Седов? Куда уходят люди с тупика?

Терехов медленно повернул голову. Его взгляд уперся прямо в грудь Андреева — ровно туда, где под сукном плаща прятался дедовский компас.

— Тебя не было в списках на этот ноябрь, майор, — тихо, почти ласково произнес больной. — Ты опоздал на десять лет.. Но они держат твоё место.. в третьем вагоне. Потому что ты не отпустил....

— Кто держит? — Андреев сжал кулаки, чувствуя, как внутри нарастает тяжелая, холодная ярость. — Моя дочь там? В Безвёстье?

Услышав название станции, Терехов вдруг широко раскрыл рот в беззвучном, жутком крике.

Его правая рука с остервенением метнулась к белой стене палаты. Сбив кожу на пальцах до сукровицы, он начал с дикой скоростью чертить по побелке сломанными ногтями.

Гриша вскрикнул:

— Сергей Александрович, держите его!

— Стоять! — рявкнул Андреев.

Линии на стене ложились с пугающей геометрической точностью. Терехов не просто царапал штукатурку — он вычерчивал схему рельсового узла. Прямой путь, от него — дуга влево, затем перечеркнутый крест и полукруг, похожий на платформу.

Рядом с рисунком из-под его окровавленных пальцев появлялись буквы:

«ЦЕНА — НЕ ЖИЗНЬ. ЦЕНА — СЛЕД».

Терехов замер, прижав окровавленную ладонь к стене. Его дыхание стало частым, сдавленным, в горле клокотала черная пена.

— Она не вернется такой, какой ты её помнишь, майор, — прохрипел он, глядя Андрееву прямо в зрачки. — Безвёстье не возвращает детей. Оно растит их из твоей боли. Чем дольше ты её ищешь здесь, тем быстрее она забывает твоё лицо там. Стрелочник забирает один год твоей памяти за каждую минуту на платформе.

Внезапно в коридоре замигал свет.

Лампа под потолком палаты налилась мутным багровым оттенком и громко лопнула, осыпав пол дождем горячих стеклянных брызг.

Тьма накрыла комнату. Единственным источником света остался узкий луч фонарика в руке Гриши.

Луч упал на стену.

Кровавые борозды от ногтей Терехова на глазах у следователя начали темнеть, впитываясь в штукатурку, словно белая стена была живой плотью, поглощающей краску. Через несколько секунд на стене не осталось ни единой царапины — лишь идеально ровная, глухая побелка.

Сам Терехов обмяк и повалился на железную кровать.

Гриша бросился к нему, прижал пальцы к шее больного и испуганно отдернул руку:

— Пульса нет. Сергей Александрович... он остыл. Совсем. Как будто умер не секунду назад, а трое суток назад.

В этот момент за дверью палаты, в длинном пустом коридоре третьего этажа, послышался отчетливый, неспешный шаг тяжелых подкованных сапог.

И звук станционного ручного колокола.

Один удар... Протяжный... Глухой... Зовущий.....

Глава седьмая. Следы на болотах.

Звук станционного колокола прокатился по больничному коридору и растаял в темноте.

Андреев выскочил за дверь палаты, держа пистолет на уровне груди.

Длинный коридор третьего этажа был абсолютно пуст. Ни дежурной медсестры, ни санитаря на посту. Только тусклые ночные лампы под потолком покачивались на своих подвесах, хотя в закрытом помещении не было ни малейшего сквозняка. На линолеуме, ровно посере-

дине прохода, тянулась тонкая, влажная полоса — словно здесь только что протащили мокрый, тяжелый брезент.

Полоса обрывалась в никуда прямо перед глухой кирпичной стеной в конце коридора.

— Сергей Александрович... — послышался из палаты осипший голос Гриши. — Подойдите сюда.

Майор вернулся в палату.

Тело Терехова на железной койке не просто остыло. На пальцах его правой руки, которыми он только что яростно драл штукатурку, не было ни единой раны. Кожа была сухой, ровной, затянутой бледным рубцом многолетней давности. Ни крови на простыне, ни следов на стене. Словно последних десяти минут физически не существовало....

Они покинули интернат молча, не дожидаясь рассвета.

К восьми утра следственный отдел заполнился обычным рабочим шумом: стучали пишущие машинки, скрипели половицы, хлопали двери кабинетов. Но Андреев, перешагнув порог управления, кожей почувствовал перемену.

Воздух в здании стал каким то, чужим. Коллеги, проходившие мимо по коридору, отводили взгляды. В их движениях появилась странная механическая заторможенность, какая бывает у людей, читающих заученный наизусть текст.

У дверей кабинета Андреева стоял начальник отдела, полковник Савельев. Плотный, седой мужчина он не курил, но нервно перебирал в пальцах незажженную папиросу.

— Зайди, Сергей, — негромко сказал полковник, даже не взглянув на майора.

Андреев вошел. В его собственном кабинете все уже было не так.

Папки с архивными делами Ковалева, коробки из квартиры на улице Железнодорожников, магнитофонные бобины — все исчезло со столов. В центре стояли два пустых деревянных ящика, опечатанных сургучом.

— Что это значит, Виктор Иванович? — Андреев остановился у порога.

Полковник закрыл за собой дверь и тяжело опустился на стул для посетителей.

— Тут такое.. он замаялся, достал палаток, вытер пот со лба и тихо продолжил.. Дело Ковалева изъято областным управлением. Как и материалы по Терехову. И по ночному происшествию на сто тридцать седьмом километре.

— Какое областное управление? — Андреев шагнул к столу. — Мы сняли радиоперехват на нулевой частоте. Терехов назвал точные координаты и имя моей дочери. Человек на насыпи не был трупом, он...

— Никакого человека на насыпи не было, — сухо, с пугающей монотонной интонацией оборвал его Савельев.

Полковник поднял глаза. Его взгляд был странно расфокусирован, будто он смотрел не на подчиненного, а на пыльное стекло за его спиной.

— Обходчику показалось. Экспертиза признала ошибку опознания. Найденный биологический материал принадлежит бродяге, личность устанавливается. А тебе, Сергей Александрович, предписано сдать служебное удостоверение, табельное оружие и отбыть в распоряжение санатория Министерства Внутренних дел. На тридцать суток. Для психологической реабилитации.

Андреев замер. В кабинете повисла тяжелая тишина.

За окном на улице с неестественной синхронностью проехали три грузовика, их двигатели гудели на одной низкой, вибрирующей ноте. На настенных часах секундная стрелка дернулась, замерла на три секунды и снова пошла вперед.

Мир вокруг словно подчищал собственные швы, стирая следы того, что не укладывалось в рамки реальности.

— Кто отдал приказ, Виктор Иванович? — тихо спросил майор.

Савельев не ответил. Он медленно открыл свою папку и положил на стол типографский бланк приказа об отстранении. На месте подписи начальника управления стоял четкий фиолетовый штамп.

Андреев скользнул по нему взглядом и почувствовал, как сердце дрогнуло. Вместо герба министерства внутри круглого оттиска читались знакомые буквы: «Отдел движения. Станция Безвѣстье. К исполнению».

Савельев словно не замечал текста печати. Он просто сидел, глядя в стол, и барабанил пальцами по полированному дереву: тук-тук... тук-тук... в такт колесному перестуку.

— Оружие положи в сейф, — произнес полковник чужим, пустым голосом. — И поезжай домой. Забудь. Все, что ты ищешь, давно списано в архив.

Андреев не стал спорить. Он молча кивнул, подошел к сейфу, сделал вид, что убирает кобуру, но лишь щелкнул металлическим замком, оставив пистолет под полой плаща. Забрав из нижнего ящика личный блокнот, карту района и запасные обоймы, он вышел из кабинета.

В коридоре его перехватил Гриша. Судмедэксперт стоял у лестничного пролета, пряча руки в карманы куртки.

— Сергей Александрович... Мои журналы регистрации в лаборатории за прошлую ночь. Они пустые. Страницы с протоколом Ковалева просто вырваны. Причем аккуратно, под корешок.

— Знаю, — вполголоса бросил Андреев, не сбавляя шага. — Уходи из отдела, Гриша. Возьми больничный. Не лезь в это.

— А вы?

— Я еду в Хмурую Падь. Пешком, через старые торфяники.

— Там болота на двадцать километров вокруг, — эксперт побелел. — Там люди с тридцатых годов пропадают семьями. Ни дорог, ни связи.

— Связь есть, — Андреев прикоснулся к внутреннему карману, где тускло теплел латунный корпус компаса. — Просто она работает в одну сторону.

Через час майор уже оставил служебную машину на окраине заброшенного поселка лесорубов.

Впереди начиналась полоса болотного криволеся — топкие, затянутые серым мхом, над которыми висел тяжелый, неподвижный пар. Ржавые рельсы старой узкоколейки уходили прямо в трясины, скрываясь под черной, маслянистой жижей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.